

ЧЕТВЕРГ, 28 ИЮЛЯ 1988 ГОДА

Гастроли

СМЕЛЫЙ ВЫБОР, РОБКОЕ РЕШЕНИЕ

В Саратовском драматическом театре за последние годы составился редкий репертуар. Три булгаковских произведения — и каких: «Мастер и Маргарита», «Багровый остров», «Зойкина квартира». Другой гений нашей литературы, Андрей Платонов, с его до сих пор не опубликованной пьесой «14 Красных Избушек». Больше и перечислять не надо, хотя и можно... Афиша красноречива, она говорит о культуре театра, о художественном вкусе его руководителя А. Дзекун.

Остановлюсь на трех из привезенных театром в Москву спектаклях — это «Мастер и Маргарита», «Багровый остров» и «14 Красных Избушек».

Написанная полвека назад платоновская пьеса говорит о том, что всеобщее счастье не может быть построено на насилии, на крови, по начальственному распоряжению — счастья не может быть там, где продолжается разделение на хозяина и беспрекословно, слепо выполняющих его приказы работников, какие бы демократические лозунги и призывы ни содержались в этих приказах. И театр, глубоко проникшись мыслью и мировоззрением драматурга, улавливая особый ритм и интонацию его слова, находит сценический эквивалент платоновского стиля, что само по себе является сложнейшей и впервые осваиваемой нашим театром задачей.

Давая сценическую жизнь былин-притче о создании в российской глубинке колхоза «14 Красных Избушек», театр вслед за драматургом представляет трагическую эпоху нашей истории. С настоящей, личной болью открывает он завесу над ее кровавой правдой, и трудно этой боли не проникнуться, когда мы видим, как собранное в обществе зерно замирает на голода младенца, новорожденного сына одной из колхозниц, это зерно собиравшей, и, продолжая ровной золотой волной течет с лент транспортера, насыпает холмик над его могилкой. Эта сценическая метафора концентрирует трагедию мысль спектакля. Равно как и момент, когда огромный, величиной во весь занавес, портрет смеющегося и аплодирующего Сталина на фоне точечных-мелких лиц народной толпы спускается сверху, перекрывая собой всю глубину сценического пространства, и остается как бы наедине с холмиком детской могилки.

В этом спектакле звучит мысль-предупреждение об опас-

ности забвения человеческих идеалов и ценностей, прикрывающегося лозунгами о строительстве «всечеловеческого» счастья. Обесчеловечение человека, человеческой жизни и страданий — вот страшное следствие этого процесса. Об этом писал Платонов, писали некоторые другие, наиболее талантливые и совестливые наши писатели, и как важно, что наконец многие их книги, часто лучшие из тех, что ими написаны, приходят к нам. Эти книги, их сценические интерпретации работают на перестройку, помогают понять корни и суть тех проблем и противоречий, из которых мы сегодня ищем выхода.

А. Дзекун — режиссер серьезный: в этом убеждает интерпретация платоновской пьесы. Пожалуй, я бы сказал, слишком серьезный. Существенный провал в его палитре — юмор и весь связанный с ним спектр красок: сатира, ирония, комизм. Это обнаруживает постановки Булгакова — материал, «вход» в который без смехового ключа не найдешь.

Странное дело: режиссер бегется за высокую философскую риторику (в самом лучшем смысле этого понятия) Андрея Платонова — и умеет обнаружить ее бытийно-чувственное, осязаемое-человеческое начало и перевести его в образы сцены. Он же берется за насыщенное живым, ярким, предельно разнообразным колоритом жизни письмо Булгакова — и превращает его в холодноватый, излишне прямолинейный театральный стиль.

Дело, конечно, не только в юморе. Дело в том, что жесткая, рациональная, «фунтвенная» режиссура столкнулась в Булгакове со стилем, требовавшим от нее иных качеств — свободы, непосредственности, легкости, лирического порыва и острой интуиции. И в полной мере этих качеств, по-моему, не обнаружил.

Дефицит смеха (не в бытовом, конечно, смысле, а в эстетическом) обнаружил еще один значительный просчет булгаковских спектаклей. Я смотрел платоновскую пьесу с ее сложным, насыщенным символами и тяготеющим подчас даже к философской абстрактности языком, — и поражаюсь, до какой степени все это связано с нашими сегодняшними проблемами. Булгаковские же вещи — остроумнейшие сатиры, и по сей день не утрачивающие остроты и актуальности, оказались в прочтении саратовцев отодвинутыми от жизни.

Из «Мастера и Маргариты»

режиссер сделал два вечера идущую композицию, длянущую в общей сложности шесть часов и последовательно излагающую содержание 21 из 32 глав великого романа. При такой подробности пересказа почти ни одна из сложного сплетения тем романа не получила убедительного и глубокого толкования на сцене. А стиль романа, составляющий неповторимый сплав лирики, романтики, сатиры и высокой философской иронии, оказался разят на части и утоплен в слишком подробной детализации, в ровных ритмах спектакля и в бытовой по сути дела игре актеров.

Сатирическая тема, связанная с Московской 30-х годов и населяющими ее всевозможными процветающими проходимцами, демагогами и выжимками от литературы и искусства, давно и ловко приспособившимися к Советской власти и поставившими себе на надежную службу все разрастающийся бюрократический аппарат управления и подчинения, — эта тема в спектакле просто не звучит. Так неинтересно, без выдумки, хотя и внешне кризиво сыграны сцены с участием Берлиоза (Г. Аредяков), Ивана Бездомного (В. Метлин), Степы Лиходеева (В. Аукшталькин), Жоржа Бенгальского (С. Петров).

Философско-этическую тему тоже никак нельзя считать раскрытой в спектакле. Неубедителен и вал актер А. Сычев в роли Иешуа. Слишком незрел пока что для роли Понтия Пилата О. Смирнов. Актер, надо отдать ему должное, очень старается, но преодолеть дистанцию между собой и малодушным властителем, отсутствующим от бродячего проповедника добра и обрешком себя на вечные муки совести, пока явно не в состоянии.

Стихия фантазмагории и романтического гротеска («Диаволиада», связывающая воедино все темы романа. Хороший артист А. Галко, играющий Воланда. Даже очень хороший. Даже великолепный в некоторых ролях, например в символической роли бессмертного старца Хоза в постановке платоновской пьесы. И здесь он знаменителен, запоминается как образ, вышедший. Безусловно, из страниц великого романа. Но беда в том, что «святая» Воланда представлена очень бедными фигурами.

И, наконец, лирическая тема — наверное, самая важная для писателя, вынесенная им в обозначение в заглавие романа. Очень хороша актриса В. Федотова, играющая Маргариту. Не

полюбю назвать ее даже замечательной, вспомнив, с каким блеском и чувством стиля играет она загадочную иностранку Интергом в «14 Красных Избушках». И в Маргарите она являет собой воплощение женственности. И можно было бы считать хоть эту тему спектакля решенной, будь у этой Маргариты достойный ее Мастер...

Кстати сказать, и в «Багровом острове» именно эти двое — А. Галко в роли режиссера Глеба Панфиловича, безуспешно пытающегося понять действительности к искусству, и В. Федотова, играющая его ревнивую и неверную одновременно супругу Лидию Ивановну, — несут острый и изящный стиль булгаковского памфлета. И здесь в целом стиль булгаковской вещи, не утративший, по-моему, и сегодня заряд сатирического юда, остался не разгаданным театром.

Играется первый план текста, буквально, добросовестно, сочными красками, в стиле оперной «вампки» разыгрывается злополучное сочинение начинающего литератора Василия Артуровича Домогацкого, за которым не угадан театром серьезный, хотя и решенный Булгаковым в пародийно-сатирическом ключе социальный смысл. Вообще собственная мысль режиссера осталась в этом спектакле непроясненной, а те «воздушные пути», которые связывают мысль и образы Булгакова с нашими днями, — непостоянными.

...Может быть, переусердую строго сужу я саратовцев? Ведь один репертуар чего стоит — такой интересный и сложный... Но ведь именно тем, что он у них такой отменный, сами саратовцы задают необходимость вести разговор по самому требовательному, не знающему скидок счёту.

И еще дело в том, что спектакли гостей обнаруживают одну общую театральную проблему. Театр наш так долго отучали от большой современной драматургии, запрещая играть Платонова, Булгакова, Эрдмана и других, что играть такие сложные пьесы он попросту разучился. И сейчас только начинает учиться заново. И в любом случае замечательно, что Саратовский театр начинает этому учиться одним из первых, делая попытку создать своего рода «театр гениальных пьес». Похвалы и комплименты, не сомневаюсь, он еще получит. Но работа его показывает, что это театр серьезный, а значит, ждущий не только похвал.

Л. ВЕЛЕХОВ.